

УДК 115.4:911.375
ББК 71.084.2

А.В. ПОЛИТОВ

ХРОНОТОП ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Андрей Викторович Политов,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
гуманитарный факультет,
кафедра философии и права,
старший преподаватель
Комсомольский просп., д. 29, Пермь, 614990, Россия

кандидат философских наук
E-mail: ulbricht2013@ya.ru

Реферат. Советский и постсоветский город выступает особым феноменом отечественной культуры. Пространственно-временная структура крупного городского поселения сложилась в результате сложных культурных, социальных, экономических и политических трансформаций, произошедших во второй половине XX века: массовое жилищное строительство, начавшееся в конце пятидесятых годов и масштабно развернувшееся в 1960–1970-х гг., сформировало пространственный облик отечественного мегаполиса, сохранившийся и функционирующий по настоящее время. Городская среда тесным образом переплелась с судьбой горожанина, став сценой становления человеческого существования, сферой развертывания жизненного мира личности. Индивидуальное бытие городского жителя приобрело имманентную связь с окружающим пространственно-временным городским целым. Эта естественная культурно-историческая включенность индивидуальной жизни человека

в окружающую городскую среду, будучи актуальной и в настоящем конкретно-историческом периоде, является обоснованием нашего научного интереса к данной проблематике и обращения к исследованию пространственно-временной структуры советского и постсоветского города как культурно-исторического феномена, находящего свое отражение в различного рода литературных источниках. Теоретическое и методологическое основание и научная новизна работы аргументируются использованием в качестве системообразующего для всего исследования понятия хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина, понимаемого в качестве универсальной общеполитической и культурологической категории, выражающей онтологическую структуру как всего мироздания в целом, так и любого культурно-исторического явления.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, город, культура, история, эпоха.

Для цитирования: Политов А.В. Хронотоп отечественной городской культуры второй половины XX века // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 2. С. 140–147.

Настоящая статья продолжает наши исследования, посвященные теории хронотопа [1, с. 8–13]. Под хронотопом понимается целостная пространственно-временная онтологическая структура, имеющая особое экзистенциальное значение, поскольку

хронотопичность выступает одним из важнейших атрибутов человеческого бытия. Ранее мы обращались к хронотопу русской деревенской [2, с. 121–127] и советской тоталитарной индустриальной культуры первой половины XX века [3, с. 33–46]. В данной статье сосредоточим внимание на советской и постсоветской культуре крупного городского поселения второй половины XX века (1960–1990-х годов). Задачей работы является раскрытие хронотопной онтологической структуры ряда культурно-исторических феноменов (отдельная квартира, подъезд в многоквартирном доме, здание общеобразовательной школы), входящих в целое отечественной пространственно-временной среды большого города и формирующих ее особое экзистенциальное значение для горожанина. Описание хронотопных культурно-исторических феноменов происходит посредством обращения и интерпретации литературных текстов — артефактов интересующего нас времени (второй половины XX в.), несущих в себе его значение и образ. Задействуя в качестве центральной для всего исследования категории понятие хронотопа, мы стремимся продемонстрировать и обосновать сущностный онтологический философский и культурологический смысл концепции хронотопа в целом, который первоначально был очерчен основателем данной теории А.А. Ухтомским в первой половине XX века [4, с. 68–70].

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕГАПОЛИСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Если советская культура 1950-х гг. — это культура высокого индустриального тоталитаризма, стремящегося к абсолютному господству над народными массами и миром в целом, то культура 1960–1970-х гг. представляет собой прямо противоположное явление. Пребывая в модусе относительно мирного геополитического сосуществования, советский тоталитаризм замкнулся в себе и выродился. Вырождение и закат отечественного тоталитаризма произошли в силу общего повышения качества и уровня жизни советского населения во второй половине 1950–1960-х гг., чем особенно гордились коммунистические пропагандисты: «Знаете, — продолжал директор, — мы у себя решили поднять культуру. Люди наши достойны, заслужили. Музыкальную школу построили... <...> Торговый центр открыли... <...> Так что уж вы по-

старайтесь! Поярче чтоб, понарядней!» [5, с. 304]. Увеличение уровня потребления материальных благ, повышение комфортности повседневного существования привели к индивидуализации человеческой жизни, приоритету частного интереса над общественной пользой, закреплению и доминированию приватного домашнего пространства. Идеиная пропаганда, тоталитарный голос общего слабеют и теряются в серой массе частных интересов, мощь тоталитарной индустрии нивелируется и стирается в незаметной текучести будней, непрерывной чередой дней, в которой проходит и исчезает человеческая жизнь. Советский тоталитаризм потерпел крушение не в результате мировой войны, но потонул в потоке повседневности, частных мелочных забот и дел.

Жизнь в пространстве крупного города-миллионника второй половины XX в. структурируется непрерывным потоком заботы, суетностью многочисленных дел, проблем, тревог, которые не оставляют места общему, вытесняя индустриальный тоталитаризм из сознания и жизни граждан. Разумеется, человек в своем бытии изначально погружен в заботу, растворен в потоке обыденности, но у современника 1930–1950-х гг., жившего в условиях сталинского варварского тоталитаризма, забот, тревог и трудностей было в несоизмеримой степени больше, чем у советского горожанина 1960–1980-х гг., что неизменно подчеркивалось в отечественной культурной традиции: «Я вот отцу <...> завидовал, он войну понюхал. <...> В эвакуации был, их бомбили... <...> Потом, после войны, тоже все было интересно. <...> Многие вещи у нас вообще не укладываются. <...> Просто жизнь была суровой. И подделочников было меньше» [6, с. 207–208]. Повседневные хлопоты и тревоги, страх репрессий и возникающая в силу этого деформация личности в условиях первобытного деспотического тоталитаризма и сонм мелочных обыденных проблем и дел, укорененных в спокойной текучести будней выродившегося тоталитаризма эпохи застоя, — явления категорически противоположные, выражающие собой *разные модусы заботы*.

В любую культурно-историческую эпоху забота повседневности поглощает и нивелирует индивидуальную жизнь, обезличивает человека, наделяет его социальной маской, деформирует его личностное Я. Поэтому сравнение жизни в разные временные периоды по критерию трудности или беззаботности ложно, неадекватно. Различие озабоченности человека в конкретные культурно-исторические эпохи продиктовано истоком заботы, лежащем в сущности времени, в характере того общего, что фундирует облик и суть эпохи. Варварский сталинский тоталитаризм есть озабоченность страхом, тревогой, надвигающимся мраком, гнетом молчания, близостью смерти: «Тревожит

меня одна мысль — я очень изоврался... Иногда я хожу близко около правды <...> но будто какой-то голос резко предостерегает меня: берегись! Не говори! А то пропадешь!» [7, с. 418]. Застойный вырожденческий тоталитаризм диктует относительно сытому и спокойному горожанину распорядок обычного будничного дня, в котором есть место личным мелочным заботам, но нет места сталинскому коллективному страху: «Шумел, бурлил, хохотал город... <...> В будние дни все это со страшной силой несется мимо нас, потому что мы несемся мимо — кто в школу, кто в институт, кто на работу, кто в магазин» [8, с. 102].

Городской житель второй половины XX в. оказывается погруженным в калейдоскоп индивидуальных дел и проблем. Мегаполис периода застойного тоталитаризма и постсоветской эпохи оказывается не центром всеобщего единения, массовости, коллективизма и торжества общего, как в эпоху сталинского тоталитаризма, но становится ареной развертывания личностного жизненного мира человека, *включается в хронотоп индивидуальной человеческой жизни*. Суть культурной модификации городской жизни второй половины XX в. по сравнению с его первой половиной заключается в том, что публичное пространство городской среды, оставаясь по своей сути отчужденным, обезличенным и внешним, воспринимается горожанином как свое собственное, осознается и ощущается в качестве места и точки развертывания его индивидуального бытия; временная же структура городской среды оказывается соотношенной с историей человеческой жизни, течение городской повседневности включается в становление и развертывание жизни личности. Урбаническая среда более не воспринимается в качестве чужеродной и опасной, но в качестве будничной и привычной: «Торопливо неслись по улице потоки серьезных людей, на перекрестке нервно газовали машины, переполненные автобусы, с трудом закрыв двери, тяжело отъезжали от остановок. Все как обычно» [9, с. 151]. Городская жизнь оказывается проникнутой не тоталитарным страхом и молчанием, а обычной заботливостью, сосредоточенной деловитостью, будничной размеренностью дней.

Сущность культурно-исторической трансформации пространственно-временной структуры отечественного крупного города, произошедшей при переходе от индустриального тоталитаризма первой половины XX в. к вырожденческому тоталитаризму второй его половины, заключается в смене отношения горожанина к городскому хронотопу, в котором проходит человеческая жизнь: если в первый обозначенный культурно-исторический период городское пространственно-временное целое воспринималось и понималось как «наше», то во второй временной промежуток и до настояще-

го момента оно ощущается прежде всего как «мое» и только уже во вторую очередь как общее. Это различие в восприятии человеком городского пространства диктует существенную противоположность вышеназванных конкретно-исторических периодов. Однако смена субъективного восприятия городского пространства не означает собой отмены объективных процессов отчуждения, существующих в современных крупных городах с миллионным населением.

ХРОНОТОП КВАРТИРЫ

Период массового жилищного строительства второй половины XX в. породил новую сферу абсолютного отчуждения, воплощенного в жилых кварталах многоэтажных домов сплошной застройки: «Квартира, в которой я до сих пор живу, располагается в <...> девятиэтажке. Десять подъездов, огромный захламленный двор, всюду бродячие собаки... <...> Добираться туда общественным транспортом — дело нелегкое... <...> Я ненавижу свой дом, свой район и квартиру тоже ненавижу. Комната с видом на соседский дом — шедевр современной архитектуры, а к ней кухня и крохотная прихожая» [10, с. 7]. Во время советского вырожденческого тоталитаризма второй половины XX в. такое культурно-историческое явление, как собственная частная квартира обретает новое значение и место в социальной структуре. Переход от существования в условиях коммунальной квартиры, барака, заводского общежития к обустройству в отдельной квартире знаменует собой замещение приоритета общего ценностью частной жизни. Обособленная квартира предстает в качестве отдельного пространственно-временного образования — *хронотопа*: квадратные метры физического пространства служат материальным основанием приватного пространства человеческого бытия, история человеческой жизни структурируется согласно периодам проживания в том или ином жилище, переезде на другую квартиру. Время жизни в квартире становится основным модусом бытия человека в городской среде второй половины XX века. Пространство квартиры и период проживания в ней приобретают глубокие личностно-экзистенциальные черты, подлинную человеческую ценностную значимость.

Структура любого хронотопного образования состоит из двух уровней: в непосредственно-материальном, вещно-предметном основании, воплощенном в технической конструкции, конкретном сооружении проявляется ценностно-смысловой уровень, несущий в себе отпечаток человеческого бытия. В основе структуры хронотопа проявляет себя более глубинная изначальная онтологическая система —

платоновское соотношение материи (материальное основание сущего) и идеи (суть сущего, его смысловое выражение). *Структура хронотопа имеет крестообразное строение, образованное четверицей фундаментальных элементов, поскольку синтезируется не только единством временного и пространственного измерений, но и соотношением идеи и материи.* На то, что в пространственно-временной целокупности материального мира являет себя жизненный мир человеческих смыслов и ценностей, указывал один из основателей теории хронотопа М.М. Бахтин в сочинении «К философии поступка». Обращаясь к стихотворению А.С. Пушкина «Для берегов отчизны дальней...», Бахтин отмечает: «Берега отчизны лежат в ценностном пространственно-временном контексте жизни героини. <...> В ее эмоционально-волевом тоне возможный пространственный кругозор становится отчизной (в конкретно-ценностном смысле слова, в полноте смысла его), с ее единственностью соотнесено и событийно конкретизированное в “край чужой” пространство. И момент пространственного движения из чужбины в отчизну дан, событийно свершается в ее эмоционально-волевом тоне» [11, с. 62]. Хронотоп являет единство не только пространства и времени, но и имманентное, фундаментальное бытийное взаимодействие материального и идеального, сущность которого была показана Платоном. Хронотопичность относится к изначальным онтологическим атрибутам мироздания, поскольку включена в систему его предельных, наиболее общих соотношений.

Существенное отличие культурно-исторического облика городской среды второй половины XX в. заключается в том, что *пространственно-временное целое (хронотоп) квартиры становится жизненным миром человека*, местом его единственного успокоения среди отчужденного пространства крупного индустриального мегаполиса. Квартира выступает в качестве главной ценности для человека, самого дорогого приобретения в жизни, служит предметом неустанных забот и тревог. Благоустройство собственного жилища является неотъемлемой частью существования и навязчивой идеей отечественного горожанина второй половины XX в.: «Множество чужих звуков, громко отраженных пустотою квартиры, каждое утро роились... <...> кромсая вяло загасавший сон <...> и ввинчивающийся в мозг нарастающий вой дрели (это новоселы все улучшали и улучшали свое жилище). <...> Все это врывалось в сон, кромсало его на куски» [6, с. 307]. В советской и ранней постсоветской городской культуре в силу малого достатка большинства граждан благоустройство квартиры полностью ложилось на плечи ее обитателя; поэтому особое значение имели многочисленные пособия под однотипными названиями «Сделай сам», поясняющие обывателю, каким образом, используя подручные материалы и отжившие

век средства, обустроить место своего проживания, рассчитывая только на собственные достаточно ограниченные силы, материальные средства и способности: «Для того, чтобы обустроить свой быт, человек должен уметь выполнять самые разнообразные работы <...> для чего требуются многие материалы. Приобретение материалов представляет немаловажную проблему. Помните, что многие предметы и оборудование в доме и на даче можно сделать из деталей изделий, отслуживших свой срок. Поэтому не торопитесь выбрасывать, например, старую мебель... <...> Разберите старое изделие на детали» [12, с. 5–9].

С воцарением в стране капиталистических товарно-денежных отношений культура благоустройства дома существенным образом модифицировалась, поскольку освоившиеся в законах данного экономического уклада граждане получили возможность платить денежные средства за повышение комфортности и удобства своего жилища. Со второй половины 1990-х гг. и по настоящий момент благоустройство человеческого жилья все больше становится делом наемных рабочих. Само наличие ремонта и уровень обустройства быта является мериллом благосостояния и положения, занимаемого в рамках наличной социальной иерархии:

— Ух, какая у вас кухня красивая! Прямо картинка из журнала! <...>

— Да, мы тут недавно евроремонт сделали! <...> Еще в ванной и в уборной. А в комнатах на будущий год сделаем. <...>

— А это что?

— Посудомоечная машина! <...>

— Это я знаю, у нас тоже такая. А еще у нас хлебопечка японская есть. <...> А твоя мама кто?

— Заместитель генерального директора в американской телевизионной фирме [13, с. 10–15].

Те, кто не проявили должных деловых и приспособленческих качеств и не смогли освоиться в структуре товарно-денежной системы, в своем стремлении к благоустройству жизни по-прежнему, как и во времена советской культуры, могли рассчитывать только на свои собственные существенно ограниченные средства и возможности.

С течением времени, с обживанием частного домашнего пространства человеком последнее приобретает глубокую ценностно-личностную окраску. Хронотопное целое, на своем первоначальном уровне сформированное материальными структурами, обладает существенной человеческой компонентой. При заселении в новый дом человек не может знать особенностей своего места жительства, его прошлой истории. В процессе эксплуатации квартиры, в которой живет человек, являет ему свои ранее скрытые свойства. Неудачный переезд,

плохое место жительства деформируют человеческую душу, негативно влияя на всю жизнь личности в целом, оставляя глубокий отрицательный осадок: «Многоэтажки, серые, унылые, два чахлая деревца на сто квадратных метров... <...> Лифт, конечно, не работал. <...> Квартира смотрела волком, я ее не любила, и она меня тоже. <...> Не двор, а колодец» [10, с. 11–12]. Переезд на другую квартиру, получение квартиры «от государства» становится вехой, отмечающей новый период в семейной истории, обеспечивает переход семьи новоселов на следующую ступень социальной иерархии, повышая как самооценку, так и статус в глазах окружающих: «я раньше в другой школе училась... <...> А потом у нас дом сломали, и нам квартиру дали. Ой, такая квартира хорошая! Двухкомнатная!» [14, с. 11]. Однако улучшение жилищных условий в результате смены неблагоустроенного жилья на отдельную новую квартиру категорическим образом не означает обретения человеком свободы и избавления от забот. Негативное влияние общего, которое в предыдущие культурно-исторические периоды полностью поглощало индивидуальное мышление и поведение, начиная с середины XX в. и по настоящее время приобретает иную форму: неудачное соседство в условиях многоквартирного дома способно отравить, испортить человеческую жизнь. В отчужденном пространстве мегаполиса второй половины XX в. с его многоэтажными домами, плотной квартальной застройкой, тесными дворами отрицательный фон соседства тотален и неизбежен: «Корольков <...> даже испугался... <...> Оглушительный звук неся с улицы... <...> В доме напротив, этажом ниже, было распахнуто окно, а за ним, на полу, стояла огромная колонка... <...> Оттуда на весь двор гремел металлический крутяк» [15, с. 90–91]. Свобода человека оказывается ограниченной также и в пределах жизненного пространства самой квартиры, поскольку число отдельных жилых комнат не всегда соответствует числу проживающих в них людей. Совместное существование семьи в одной квартире определяет всю человеческую жизнь, влияет на склад личности. В ином виде предстает повседневность одиноко живущего человека, обустроивающего собственное жилище исходя исключительно из собственных личностных предпочтений: «Отец возился в кухне с чайниками, ничего особенно примечательного <...> кухня как кухня <...> скучноватая, словно казенный пищеблок, не оживленная женской рукой. <...> В комнате <...> на стенах между самодельными книжными полками и над тахтой <...> уютной <...> жесткой, как солдатская или уютная постель, — висели окантованные фотографии» [16, с. 263].

Хронотоп окружающего человека индустриального урбанистического пейзажа деформирует

личность, превращая ее жизненный мир в континуум железобетонных конструкций, проникнутый отчуждением от окружающих и одновременно абсолютной совместностью человеческого общежития: «Когда Корольковы жили в хрущевке, могли с полным правом назвать свою квартиру тихой. В старом доме и стены были толстыми, кирпичными... <...> сплошь одни пенсионеры. В новой же квартире постоянно присутствовала чужая жизнь... <...> То соседи снизу ругались и посуду били, то этажом выше кто-то в три часа ночи вопил в унисон с магнитофоном: “Казино, казино, казино...” <...> Дом — современный, панельный, звукоизоляции почти никакой. <...> За стеной была лестница, откуда Корольковы постоянно слышали топот, скрип лифта, хлопанье дверей» [15, с. 162–163]. Многоэтажный панельный дом культуры мегаполиса второй половины XX столетия бездушен по своей сущности и деформирует душу всякого, кто в нем поселился.

ХРОНОТОП ПОДЪЕЗДА

Особым хронотопным образованием является подъезд многоквартирного жилого дома. В пространственном отношении он представляет собой шахтообразное сооружение с особыми звуковыми свойствами (своеобразной реверберацией), лестничными маршами и площадками, лифтовой шахтой, мусоропроводом. Временное измерение хронотопа подъезда образуется историей его существования, соотношенной с периодом функционирования дома в целом и жизненной судьбой обитателей квартир. По своему сущностному значению хронотоп подъезда представляет собой отчужденное от человека внешнее публичное пространство, не принадлежащее частной приватной сфере и потому брошенное на произвол судьбы, исключенное жильцами из круга заботы. Пренебрежительное, бесхозяйственное, равнодушное отношение жильцов к подъезду уравновешивается его обратным негативным влиянием: в отечественной городской культуре второй половины XX в. подъезд многоквартирного дома предстает в качестве отрицательного по своему значению, криминогенного пространства, пребывание в пределах которого характеризуется страхом, неприязнью, неуверенностью, являет неукорененность человека вне его приватного пространства. Поэтому, как правило, большинство жильцов дома стараются как можно быстрее пройти через подъезд к своему жилищу или выйти на улицу, покинуть отчужденное опасное публичное подъездное пространство, отгородиться от него дверью квартиры. Особенное значение в последнее десятилетие XX в. приобретают железные двери, замки, решетки,

засовы, отгороженные от остального подъезда запертые этажные «карманы», позволяющие обрести определенное чувство защиты от патологически негативной сферы общего подъездного пространства: «Чтобы попасть в подъезд, надо набрать код и открыть железную дверь. Затем нужно открыть еще одну обычную дверь. <...> Почтовые ящики поломаны. Стены облуплены и испещрены неприличными рисунками и словами. Лифт часто ломается. В квартире тоже железная дверь, помимо обычной» [17, с. 15].

Своеобразным посредником между отчужденным публичным пространством подъезда и приватной сферой квартиры выступает дверной глазок, позволяющий обитателю жилища увидеть, что происходит за пределами его частной собственности, и оценить, представляет ли происходящее в подъезде опасность или обычный празднично-бытовой интерес: «На лестничной площадке снова раздался шум. Что там такое творится? <...> Даше не хотелось вставать, но любопытство оказалось сильнее. Она <...> прильнула к глазку. <...> Понятно, новые соседи въезжают! Интересно, кто они такие?» [13, с. 5]. Одними из важнейших частей, образующих хронотопное целое подъезда, являются лифт и мусоропровод. Эти технические нововведения, призванные служить удобству и комфортности человеческой жизни, при эксплуатации в отечественных условиях приобретают существенное негативное значение: «Отломанная крышка мусоропроводного люка валялась на полу... <...> Из трубы мусоропровода <...> донесся шуршащий звук, что-то бумкнуло — парой этажей выше выбросили мусор» [15, с. 164–166]. В многоквартирном доме пространство подъезда, как правило, сообщается с подвалом и чердаком — помещениями, находящимися в общественной собственности, имеющими утилитарное значение и в силу этого пребывающими в большинстве своем в бесхозном, запущенном, брошенном состоянии: «В нашем доме был так называемый технический этаж... <...> На двери повесили огромный замок, который подростки почти сразу же сбили. Тогда врезали внутренний, но ключ <...> потеряли. <...> Из-за обильных весенних осадков потекла крыша, дверь взломали, и с тех пор ни внутренних, ни висячих замков не было вовсе» [10, с. 25].

ХРОНОТОП ШКОЛЬНОГО ЗДАНИЯ

Средняя общеобразовательная школа выступает одним из наиболее значимых феноменов отечественной культуры. Задачей статьи не является рассмотрение школы как социально-феномена. Нашей целью выступает раскрытие

и описание ее как хронотопной структуры, воплощенной и выраженной в конкретной пространственно-временной форме, которая объединяет в себе и материальное основание (здание образовательного учреждения), и культурное значение. В сознании отечественного гражданина второй половины XX в. — ученика или работника учебного заведения — образ школы ассоциируется прежде всего с *видом здания*, в котором она располагается. Культурно-исторический феномен школы оказывается связанным с конкретно-географической, пространственно-материальной определенностью, овестьвленностью школьного строения. У школы как хронотопного образования помимо временного измерения — истории ее существования и развития — оказывается и пространственное основание — конкретное место, в котором расположено здание образовательного учреждения. В хронотопе как целостной пространственно-временной структуре материальная основа (техническое сооружение, конструкция, строение) и само культурно-историческое явление находятся в имманентном естественном единстве.

Хронотоп школы, его пространственно-временное осуществление структурируется соответственно конструктивной воплощенности материального основания — инженерного сооружения, здания образовательного заведения: «С каждым этажом ребята все выросли, а большая перемена становилась все тише. На втором этаже носились, кричали, свистели и толкались самые лихие, самые буйные — пятые и шестые классы. На третьем этаже тоже шумели и бегали, но уже не дрались и не свистели. А уж на четвертом были тишина, спокойствие» [18, с. 10]. Как правило, советская и постсоветская школа представляет собой здание невысокой этажности (три или четыре этажа) с пристроенными к ней помещениями столовой и спортивного зала. Пространственная структура первого этажа школьного здания, образуемая входом, гардеробом, коридором, ведущим в мастерские, спортивный зал и столовую, фундаментально определяет и структурирует распорядок школьной жизни: «Он вошел в школу <...> прошел мимо раздевалки <...> где стояли вешалки, кренящиеся под тяжестью одежд... <...> Он стоял теперь в коридоре, рассматривая висящие на голубовато-серой стене портреты, плакаты, диаграммы. Все было так же, как и в его времена, и тот же был неистребимый запах свежесмытых полов, хлорки, масляной краски... <...> Звонок прозвучал, как всегда, неожиданно <...> и уже накладывался на него шум, топот, общее движение... <...> Коридор пустел, затихал, закрывались двери классов» [6, с. 109–114].

На втором и третьем этаже, где было спокойнее и тише, располагались музыкальные классы, небольшие школьные музеи, медицинский и сто-

матологический кабинеты, а также своеобразный центр образовательной жизни — учительская, быт и обстановка которой отличались от остальных школьных помещений, поскольку учителя, желая отдохнуть от ученической суеты и шума хотя бы на непродолжительный период времени, ограничиваемый расписанием звонков, стремились к воссозданию подобия частного обособленного пространства: «Стоит большой длинный стол, а вокруг него стулья. Стол и стулья предназначены для заседаний педагогического совета. На столе часто можно увидеть стопочки тетрадей... <...> Лежат дневники... <...> Стоит и телефон... <...> В шкафу хранятся папки с личными делами учеников, тематические планы, методика, классные журналы. <...> Есть в учительской умывальник с полотенцем. Здесь учителя отмывают руки от мела. <...> Есть еще настенные часы» [19, с. 42–43]. Квазиприватное пространство учительской комнаты и директорского кабинета устанавливает строгую социальную иерархию, поскольку входение и пребывание в учительской школьников в большинстве случаев не приветствовалось и пресекалось.

Смысловое содержание культурно-исторического феномена структурируется и возникает на базе его материального основания (предметно-конкретное воплощение, тело), поскольку иначе идея не может пройти становление и осуществление; посредством каждого материального элемента выражает себя идеальная сущность явления. *Онтологическое соотношение идеи и материи обосновывает и диктует структуру хронотопной общности*: в любом материальном объекте выражает себя его значение, которое, как идея сущего, может осуществиться только на основе предметно-конкретно воплощенной вещи. Поэтому металлический каркас, бетонная труба, шахта лифта, подъезд, лестница, этаж, кирпичная стена выступают не только в качестве физических объектов, но прежде всего являются материальным основанием для выражения смысла, идеальной сущности сущего.

Описывая материальные объекты различного рода, мы обращаемся через них как через посредников, ретрансляторов, к самому культурно-историческому феномену как таковому, тому общему идеальному содержанию, которое они собой воплощают и в себе выражают. *Каждое сущее обладает как имманентной материально-идеальной онтологической структурой, так и пространственно-временной хронотопной структурой* (место локализации и период существования). Посредством описания единичных хронотопных образований (квартиры, здания, подъезда) мы возвышаемся до уровня наиболее общего хронотопного целого — определенной куль-

турно-исторической эпохи, сущность и образ которой фундированы и образованы совокупностью отдельных хронотопов, конкретных культурных феноменов, обращение к которым составляет основную интенцию наших философско-культурологических исследований.

Список источников

1. Политов А.В. Хронотоп запечатленного бытия // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1, № 1. С. 8–13.
2. Политов А.В. Хронотоп русской деревенской бытовой культуры XX века // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии : материалы XVII Международ. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь : ФГБОУ ВПО ПГНИУ, 2014. С. 121–127.
3. Политов А.В. Советский тоталитаризм: хронотопическое целое культурно-исторической эпохи // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 1. С. 33–46.
4. Ухтомский А.А. Доминанта. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 448 с.
5. Проханов А.А. Место действия. Москва : Московский рабочий, 1984. 352 с.
6. Амлинский В.И. Московские страницы. Москва : Московский рабочий, 1982. 400 с.
7. Радзинский Э.С. Сочинения в семи томах. Т. 2. Сталин. Москва : Вагриус, 1998. 640 с.
8. Театр в подворотне // Юность. 1976. № 8. С. 102–103.
9. Федоров Н.Т. Сказано — сделано. Ленинград : Детская литература, 1987. 206 с.
10. Полякова Т.В. Сестрички не промах. Черта с два! Москва : ЭКСМО-Пресс, 1998. 544 с.
11. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. Москва : Языки славянских культур, 2003. 957 с.
12. Барташевич А.А., Климин Р.М. Сделай сам. Минск : Высшая школа, 1998. 415 с.
13. Вильмонт Е.Н. В поисках сокровищ. Москва : ЭКСМО, 1997. 240 с.
14. Пивоварова И.М. Тройка с минусом, или происшествие в 5 «А». Москва : Детская литература, 1982. 143 с.
15. Веселов С.А. Мой папа — киллер. Москва : ЭКСМО-Пресс, 1998. 304 с.
16. Макаров А.С. Последний день лета. Москва : Молодая гвардия, 1985. 384 с.
17. Зиновьев А.А. Русская трагедия. Москва : Алгоритм ; Эксмо, 2006. 608 с.
18. Алексин А.Г. Веселые повести. Москва : Оникс, 2007. 240 с.
19. Коршунов М.П. Школьная вселенная. Москва : Астрель ; АСТ, 2006. 363 с.

CHRONOTOPE OF THE NATIONAL URBAN CULTURE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

ANDREI V. POLITOV

Perm National Research Polytechnic University, 29,
Komsomolsky Av., Perm, 614990, Russia
E-mail: ulbricht2013@ya.ru

Abstract. *The Soviet and post-Soviet urban environment represents a unique phenomenon of the national culture. The spatial-temporal structure of modern urban settlements has been developed as a result of the complex cultural, social, economic, and political transformations that occurred in the second half of the 20th century. The mass housing construction, which was initiated in the late fifties and widely deployed in the 1960s–1970s, formed the spatial image of the modern city, extant and functioning up to the present. The urban environment is closely intertwined with the fate of the citizens, becoming the stage of the human existence formation, the field of deployment of the individual's life world. The individual existence of a city dweller has acquired an intrinsic connection with the surrounding spatial-temporal urban unity. This natural cultural and historical relationship of the human individual life to the surrounding city environment, being relevant in this specific present historical period, justifies our scientific interest in this subject and our turning to the study of the spatiotemporal structure of Soviet and post-Soviet cities as a historical and cultural phenomenon, reflected in different literary sources. The theoretical and methodological foundations and scientific novelty of this interpretation of the space-time system of the urban environment lies in the author's understanding of the concept of chronotope, which has a universal ontological significance, allowing essentially to disclose and describe any cultural-historical phenomenon.*

Key words: chronotope, space, time, city, culture, history, era.

Citation: Politov A.V. Chronotope of the National Urban Culture of the Second Half of the 20th Century, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 140–147.

References

1. Politov A.V. Khronotop zapechatlennogo bytiya [Chronotope of the Captured Entity], *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 8–13.
2. Politov A.V. Khronotop russkoi derevenskoi bytovo kul'tury XX veka [Chronotope of the Russian Country Culture of the 20th Century], *Chelovek v mire. Mir v cheloveke: aktual'nye problemy filosofii, sotsiologii, politologii i psikhologii: materialy XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Proc. of the 17th Int. Scien.-Prac. Conf of Students, Postgraduate Students and Young Scientists "Human in the World. The World in Human: Actual Issues of Philosophy, Sociology, Political Science and Psychology"]. Perm, FGBOU VPO PGNIU Publ., 2014, pp. 121–127.
3. Politov A.V. Sovetskii totalitarizm: khronotopicheskoe tseloe kul'turno-istoricheskoi epokhi [Soviet Totalitarianism: the Chronotopical Wholeness of Cultural-Historical Era], *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law], 2015, no. 1, pp. 33–46.
4. Ukhtomsky A.A. *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, 448 p.
5. Prokhanov A.A. *Mesto deistviya* [The Locale]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1984, 352 p.
6. Amlinsky V.I. *Moskovskie stranitsy* [The Moscow Pages]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1982, 400 p.
7. Radzinsky E.S. *Sochineniya v semi tomakh. T. 2. Stalin* [Works in Seven Volumes. Vol. 2. Stalin]. Moscow, Vagrius Publ., 1998, 640 p.
8. *Teatr v podvorotne* [Theater in the Alley], *Yunost'* [Youth], 1976, no. 8, pp. 102–103.
9. Fyodorov N.T. *Skazano — sdelano* [No Sooner Said than Done]. Leningrad, Detskaya Literatura Publ., 1987, 206 p.
10. Polyakova T.V. *Sestrichki ne promakh. Cherta s dva!* [The Sisters Know Beans. Hell No!]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1998, 544 p.
11. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1: The Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2003, 957 p.
12. Bartashevich A.A., Klimin R.M. *Sdelai sam* [Do It Yourself]. Minsk, Vysshaya Shkola Publ., 1998, 415 p.
13. Vilmont E.N. *V poiskakh sokrovishch* [In Search of Treasure]. Moscow, EKSMO Publ., 1997, 240 p.
14. Pivovarova I.M. *Troika s minusom, ili proisshestvie v 5 "A"* [Three with a Minus, or an Incident in the 5th "A"]. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1982, 143 p.
15. Veselov S.A. *Moi papa — killer* [My Dad Is a Killer]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1998, 304 p.
16. Makarov A.S. *Poslednii den' leta* [The Last Day of Summer]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1985, 384 p.
17. Zinoviev A.A. *Russkaya tragediya* [The Russian Tragedy]. Moscow, Algoritm Publ., Eksmo Publ., 2006, 608 p.
18. Aleksin A.G. *Veselye povesti* [Funny Stories]. Moscow, Oniks Publ., 2007, 240 p.
19. Korshunov M.P. *Shkol'naya vseennaya* [The School Universe]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2006, 363 p.